

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ПЛЕННИЦА ЧУЖИХ ИЛЛЮЗИЙ

Беда не приходит одна...

Анна Васильевна Данилова
Пленница чужих иллюзий
Серия «Crime & private»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748200

Данилова, Анна Васильевна. Пленница чужих иллюзий : [роман] : Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80281-4

Аннотация

Идеальная семейная жизнь следователя Бориса Гладышева рухнула в одночасье: его тихая, домашняя жена, рыжеволосая красавица Надежда, исчезла в неизвестном направлении, оставив сыновей на попечение свекрови. Перед этим в квартиру к Гладышевым приходил подозрительный неизвестный мужчина, который передал Наде большую спортивную сумку. Когда подруга Нади рассказала Борису, что в сумке находились огромная сумма денег и старинные драгоценности, он понял: прошлое жены, о котором в семье старались не вспоминать, никуда не исчезло...

Содержание

1. Надя. Станция Сенная, 2001 г	5
2. Борис. Саратов, 2014 г	13
3. Надя. Саратов, 2014 г	22
4. Борис. Саратов, 2014 г	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Пленница чужих иллюзий

© Дубчак А.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1. Надя. Станция Сенная, 2001 г

– Она мертвая, мертвая... Она не дышит. Ты слышишь? Ты ее убил! Мы ее убили!!!

Снег сыпал, не переставая, уже который день. Сенная была завалена снегом, все побелело и притихло – железнодорожная станция с призрачно светящимися желтоватым светом окнами, дома, магазины, дороги, сады и даже люди.

И только Надя не замечала декабрьской стужи, и для нее снег почти по колено казался пухом, теплым пухом, по которому она бойко шагала, высоко поднимая ноги, обутые в красные замшевые сапожки. Снег иногда доходил ей до коленей, и тогда полы ее клетчатой шерстяной юбки, скользя по белой нежной снежной глади, оставляли легкий след...

Бабушка Лера с трудом заставила ее в этот снегопад надеть головной убор, а так, с ранней весны вплоть до начала декабря, Надя ходила с непокрытой головой, позволяя всем любоваться ее густыми ярко-рыжими длинными кудрями.

Юфины – все рыжие. И никогда не мерзнут.словно веснушки, рассыпанные золотом по всему телу, греют их.

Но именно в эту зиму 2001 года Надя Юфина полыхала, словно внутри ее поселился самый настоящий огонь. На свадьбе подруги ее поцеловал Виталий Бузыгин. Высокий худощавый парень двадцати трех лет – на целых семь лет старше Нади! Не местный, друг жениха, он появился в Сенной примерно за неделю до свадьбы. Яркий, но тихий, мало пьющий, он всю свадьбу смотрел на раздумывающуюся от танцев и вина Надю в воздушном и совсем не зимнем, несмотря на холодный ноябрь, голубом наряде с юбкой-пачкой, потом пригласил на один медленный танец, другой... Надя, всю свою школьную жизнь так и оставшаяся нецелованной, почувствовала, соприкасаясь с парнем, как по жилам ее заструилась превращенная в вино горячая кровь. Умница, отличница, на заднем дворе столовой, где праздновали свадьбу, она потеряла голову. Вместе с мозгами. Она чувствовала лишь свои губы, губы Виталия, его дыхание, замешенное на аромате вина с табачным привкусом, да его руки, поднимающие ее шелковые прозрачные голубые юбки.

«Так вот что такое любовь!» – думала она, когда Виталий грубо тискал ее в углу подсобки, катал на спине по снегу вдоль аллеи за столовой, шепча ей какие-то несуразные, смешные слова, носил на руках, проваливаясь в глубокие сугробы, отогревал своим дыханием ее руки, когда они, вернувшись на свадьбу, сидели рядышком за столом и выковыривали из больших свиных котлет украшения в виде гранатовых зерен. Им казалось, что их никто не замечает, что все заняты исключительно собой. На самом деле нашлась «добрая душа», позвонившая со свадьбы бабе Лере и доложившая ей о происходящем. Поэтому, когда Надя, вернувшись домой в два часа ночи, хотела незаметно пробраться в свою комнату, в большой комнате внезапно вспыхнул свет, и баба Лера в ночной сорочке и наброшенном на плечи пуховом платке преградила ей дорогу:

– Привет, внучка. Как свадьба? Натанцевалась?

Баба Лера – высокая стройная женщина с медными кудрявыми «юфинскими» волосами, была и в свои пятьдесят пять красивой женщиной, которую и бабушкой-то назвать было трудно. Валерия Николаевна – это еще куда ни шло.

– Мне тетя Валя позвонила...

– Доносчица, – нахмурилась Надя. – И чего?

– Говорит, что ты с приезжим целовалась на лестнице, потом на заднем дворе, а потом вы вообще куда-то исчезли... Я же говорила тебе, чтобы ты шерстяное платье надела. Голая совсем пришла на свадьбу! Грудь, ляжки – все на виду! А это что?

И она приподняла ставшие мокрыми и холодными оборки капроновой юбки.

– Да ты же как ледышка! Вы где с ним были, что делали? Вернее, что он с тобой сделал?
– Ба, ничего такого. Целовались, конечно. Я на нем ездила, в смысле, на спине ката-лась... Ну, как на ослике! По снегу! Потом снежками кидались, с горки кубарем скатыва-лись, весело было...

– Ему двадцать три. Он взрослый мужик. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Ба, мне уже шестнадцать!

– Не дури, Надя. Тебе школу заканчивать нужно, в университет поступать, в городе будешь жить... Не ломай свою жизнь. Ты слышишь меня? Ну-ка, давай снимай платье... Ляжки вон, совсем заледенели... Постой-ка, я тебе сейчас пушу воду в ванну, погреешься...

В горячей воде она пришла в себя. Лера сидела рядом, учила жизни.

– Ты слушай меня. Понимаю, дело молодое, разные ситуации случаются, но если вдруг чего... Ты должна все это вымыть из себя, понимаешь? Чтобы не забеременеть. Ты уж извини, что открытым текстом говорю, но кто еще скажет-то? Все твои подружки, которые казались тебе ангелами, самыми близкими людьми, которым ты могла душу открыть и дове-рить свои тайны, в какой-то момент, когда они увидят, как ты счастлива, непременно попы-таются тебе сделать какую-нибудь подлость, гадость. Они моментально станут твоими вра-гами. Попытаются оклеветать тебя, его, словом, начнется у тебя веселая жизнь... Так что, дорогая внучка, будь готова ко всему...

– Ба, ты чего сегодня такая странная? С чего это моим подружкам мне гадости делать?

– Ты – красавица, понимаешь? Одного этого достаточно, чтобы желать тебе несчастья.

– Ба, ты меня удивляешь! Я думала, ты любишь людей.

– Раньше любила. Вот когда была такой же, как ты. А потом столько всего о людях узнала – не дай бог!

– И что, тебя твои подружки предавали?

– Я тебе когда-нибудь расскажу. А сейчас давай выходи уже из ванны, вон как распа-рилась, надевай пижаму, халат и приходи в кухню, я тебе сейчас молока согрею.

Надя с бабой Лерой жили в своем доме, большом и уютном. Мать Нади укатила с каким-то парнем на Север, когда Наде было всего-то пять лет, а отца она и вовсе не знала, хотя мать была с ним, что называется, в законном браке. Надя и фамилию-то отца забыла, хотя мать какое-то время носила мужнину фамилию. Вот и получилось, что баба Лера заме-нила маленькой Наде и мать, и отца, и всех родственников, вместе взятых.

В отличие от своих подруг и знакомых, не имевших отца или матери, Надя от отсут-ствия родных вовсе не страдала и не понимала, как можно горевать о матери, скажем, кото-рая сто лет назад бросила тебя, вычеркнула из своей жизни. Не говоря об отце, который предал их с матерью, когда Надя была совсем крошкой. Надя была счастлива, живя с бабой Лерой, доброй и милой, с которой ей было спокойно и радостно. Баба Лера была спокойной, уравновешенной, справедливой, умной, щедрой, а еще рядом с ней Надя чувствовала себя защищенной. Она знала: что бы ни случилось в ее жизни, баба Лера всегда окажется рядом, поможет, спасет, научит, как жить дальше.

Личная жизнь самой бабы Леры последние шесть лет была связана с местным пасеч-ником, вдовцом Родионом Чащиным. Уж так горевал Чащин по своей умершей жене, так горевал, что и сам не заметил, как позволил здоровой и крепкой соседке Лере практически занять ее место, отдать себя на ее, женское попечение. Поначалу Лера просто заботилась о нем, как о соседе, носила ему еду, стирала одежду, лечила его, когда болел, а потом он уже и не представлял себе жизни без нее. Хотя они по-прежнему продолжали жить каждый в своем доме.

В ту памятную ночь, перевернувшую всю ее жизнь, Надя почти не спала, все чувствовала на себе ласковые руки Виталия, вспоминала его глаза цвета зеленой, свежей травы, долгие, проникающие в самое сердце, взгляды и те слова, которые он шептал, уверяя ее в том, что лучше и красивее девушки он в своей жизни не встречал.

Снежные забавы, которым они предавались под лихой свадебный шум, продолжились, несмотря на больное горло и температуру Нади, на следующий день, когда она сбежала с Виталием, подогнавшим к ее дому роскошный черный «Мерседес», который увез их в зимний лес, на незнакомую Наде дачу.

Это была даже и не дача, а настоящий большой дом, в котором какой-то волшебник распалил огонь в камине, замариновал мясо и украсил стол живыми подснежниками.

– Откуда все это, ты же не местный? – восхищалась Надя, сидя на толстой шкуре белого медведя, разостланной перед пылающим камином, и играя волосами Виталия, который положил на ее колени свою шальную голову. – Как тебе удалось все так быстро и красиво устроить?

– Жить вообще надо красиво, Наденька, – улыбался, лежа с закрытыми глазами, Виталий, предаваясь каким-то своим грезам. – У меня друзья, они и помогли.

– А чья это дача?

– Говорю же: друга. Он на время в Питер перебрался, женился там, а Макс, ну, у которого мы вчера на свадьбе гуляли, оставил ключи. Вот я все и придумал! Нравится?

– Да, очень. Спасибо тебе, Виталий, ты потрясающий!

– Горло не болит?

– Побаливает немного, – соврала она, – было так больно, что Наде приходилось зажмуриваться при каждом глотании.

– Ты от температуры выпей еще шампанского!

Виталий был праздником, от него исходила такая мощная волна счастья, которая окутывала Надю с головы до ног. Она просто купалась в этой внезапно обрушившейся на нее волне радости, и голова ее кружилась, не переставая, как забытая детская карусель в парке.

Новые ощущения, которые охватили ее тело и которым, казалось, не было конца, доставляли ей и наслаждение, и боль, и какую-то сладкую тоску. А еще она была напугана, потому что понимала – в ее жизни произошло что-то очень важное, и что ей теперь делать с этой новой женской жизнью, она пока еще не знала. Современная, неглупая девушка, теоретически знакомая с миром мужчин и женщин и тех отношений, которые существовали между полами со времен Адама и Евы, Надя, в полном недоумении от самой себя, предположила, что Виталий заколдовал ее – настолько велика была теперь ее зависимость от него. И эмоциональная, и сердечная, и физическая. В какой-то момент она почувствовала себя его рабыней, но бежать от этого рабства ей не хотелось. Она, словно утоляя жажду, глотала каждое мгновение, проведенное с Виталием, хотя и чувствовала, что мгновения эти полны отравы. И что все то, чем они занимались в заснеженном доме, в тиши белого леса и высоких сугробов, есть самое настоящее преступление, что Виталий повел ее за собой в самый настоящий ад, который он же, на только ему одному известное время, разукрасил розовыми и зелеными райскими красками.

В доме было тепло, даже жарко, но Надя мерзла, словно была маленьким зверьком, с которого быстро и безболезненно содрали шкурку. Не могла она вот так быстро привыкнуть к собственной наготе и наготе своего взрослого любовника, спрятавшего ее одежду.

А еще он заставил ее выключить мобильный телефон. «Чтобы не доставали».

Значит, Лера ищет ее, беспокоится. Она женщина неглупая, сразу поймет, с кем ее внучка, тем более что знает о появлении в ее жизни Виталия. Хоть бы в милицию не обращалась. Вот тогда стыдно будет. Очень. Перед всем поселком.

В перерывах между тем, что Виталий называл любовью, Надя уединялась в ванной комнате, чтобы по совету Леры гигиеническим способом обезопасить себя от нежелательной беременности. В один из таких моментов, прихватив телефон, Надя все же отправила бабушке сообщение: «Со мной все в порядке. Скоро вернусь домой. Целую».

Ночью Надя проснулась от каких-то непонятных звуков и обнаружила, что в постели одна. Виталия не было. Она быстро вскочила, набросила на себя одеяло и подошла к окну, которое привлекло к себе ее внимание голубоватым и совсем не ночным свечением. Была ночь, и все вокруг должно было быть погружено в зимнюю сонную темноту.

Внизу, возле крыльца она увидела машину с зажженными фарами, которые и являлись источником света, и Виталия, вытаскивающего из багажника какие-то вещи. Ящики, коробки.

Она успокоилась. Главное, что он здесь, рядом с ней. Может, ездил куда-то по делам.

Надя быстро оделась и спустилась вниз, в кухню, включила свет как раз в тот момент, когда Виталий вносил туда большую картонную коробку. Увидев ее, сонную, щурившуюся от яркого света, он застыл на мгновение с растерянным лицом, потом вдруг широко улыбнулся:

– А ты чего не спишь?

– От шума проснулась. А ты где был?

– Да мне тут должок вернули, позвонили, сказали, чтобы срочно приехал. Здесь вино, продукты, сигареты, консервы.

– Запасы, что ли, делаешь? – рассмеялась она.

– Ну да.

– Но не хочешь же ты сказать, что мы здесь надолго?

– Нет-нет! Как только захочешь вернуться домой, ты только скажи, и я тебя отвезу.

Могу прямо сейчас.

Она испугалась. Нет, ей вовсе не хотелось домой. Ей было хорошо здесь, в этом большом доме, с Виталием.

– Нет-нет, все в порядке, – поспешила она уверить его.

– Ну, тогда завари чайку, а то я замерз.

И он продолжил вносить в дом коробки и ящики.

К чаю на столе появились шоколад, печенье, конфеты.

Надя, для которой происходящее являлось продолжением сна, с удовольствием ломала шоколад, разворачивала конфеты и, чувствуя вкус сладости, не отрываясь смотрела на своего возлюбленного.

– Ты счастлива со мной? – спрашивал он ее, обнимая и целуя. Его волосы пахли морозом, снегом, свежестью. Черный кашемировый свитер облегал мускулистые широкие плечи, Надя время от времени поглаживала его, чтобы убедиться, что он реальный, что этот прекрасный мужчина – не призрак, не результат ее ночных фантазий.

– Да, очень.

– Ты не представляешь себе, как я тебя люблю, – он наматывал на пальцы ее золотые локоны, целовал их, играл ими, запускал руки под ее одежду, словно тоже проверяя, все ли на месте. От его взгляда Надю пробивал слабый, но ощутимый разряд тока, который разгонял кровь по ее венам, заставляя сердце биться сильнее.

– И я тебя, – отвечала она, промокая свои ставшие шоколадными губы салфеткой.

– Хочешь жить в таком доме? Где-нибудь на море?

– Конечно, хочу!

– Значит, будем! Надо только постараться. Ты не представляешь себе, насколько все это реально!

– Ты что – богатый? Подпольный миллионер?

– Угадала!

– Я знаю одного такого миллионера, он приезжает иногда к нам, на станцию, у него здесь мать живет. Ты не представляешь себе, насколько он богат! У него своя строительная фирма в Москве, кажется. Он и тетю Лену, мать свою, хотел к себе забрать, но она отказалась. У нас никто ее не понял. А она говорит – хочу жить своей жизнью, в своем доме. Так Валера этот, ну, сын ее, прислал денег, и ей отремонтировали дом, он стал прямо как новый. Таковую крышу сделали, красную, как черепичную... Ей постоянно какие-то посылки приходят, Валера так о ней заботится. Шубу привез в прошлом году. Норковую. Правда, она повесила ее в шкаф и носит старую дубленку, но все у нас на Сенной знают, что у нее есть шуба, да и вообще полно разных вещей.

– Кротов, что ли? – усмехнулся Виталий.

– Да, а ты что, его знаешь?!

– Да, Андрей рассказывал.

– Между прочим, он не женат, – сказала Надя. – Представляешь, тетя Лена как-то была у нас и сказала, что Валера мной интересовался, хотел даже в гости прийти, ну, когда к матери приезжал...

– И что, пришел? – Виталий больно сжал рукой ее плечо. Надя увидела, как остановился его взгляд и брови, как черные стрелы, сошлись на переносице.

– Нет, не пришел, – она почувствовала, как от страха или стыда за свою глупую болтовню ее бросило в жар. – Я его давно не видела. Виталий, ты чего?

– Ты – моя, поняла? И только моя. Узнаю чего – убью.

Сказал сухо, зло, как отрубил.

Надя после этих слов вдруг поняла, что связь с Виталием, их любовь и все то, что происходит сейчас с ней, может иметь самые неожиданные последствия, среди которых беременность – не самое страшное. Что она теперь как бы привязана к Виталию, и, быть может, не только любовью и страстью, но и какими-то обязанностями, правилами, законами, и что разорвать эти прочные нити можно лишь в одностороннем порядке. Только если он этого захочет. Бросит – значит, бросит. Ему все можно. В то время, как ей это не позволено. И если она совершит ошибку, то может расплатиться чуть ли не жизнью. Странное чувство одновременной защищенности и незащищенности охватило ее, когда она осознала и внутреннюю силу этого парня. И получалось, что вся жизнь, начиная с этой ночи, теперь ей как будто бы и не принадлежит!

От этой ясной, как сверкающий снег под луной, мысли она похолодела.

– Ты выйдешь за меня? – спросил он ее рано утром, когда она варила ему кофе.

Кухня купалась в солнечных лучах, бивших в окна и казавшихся белыми от необъятного снежного покрова, раскинувшегося под тихим декабрьским небом.

Надя, невыспавшаяся, утомленная и напуганная, даже вздрогнула, услышав его слова.

– Замуж? Но ведь я же еще того... Мне надо школу заканчивать... – произнесла она и почувствовала, как голова ее втягивается в плечи, словно в ожидании удара.

– Потом закончишь, – Виталий подошел к ней сзади и обнял, поцеловал в затылок. – Куда она денется-то, школа? Нам надо с тобой жизнь строить, понимаешь? Ты ведь поможешь мне?

– Как?

– Просто будь рядом, и все. Пообещай мне: что бы ни случилось, ты всегда будешь на моей стороне. А я уж позабочусь о тебе. О том, чтобы ты была счастлива. И мы будем с тобой счастливы. Вот поработаю немного, накоплю денег, и мы рванем с тобой в Сочи или Лазаревское, купим там дом на море, чтобы и сад был... Ты нарожаешь мне детишек, и будем мы с тобой жить да поживать... У меня там сеструха живет, они с мужем недавно дом купили, коз держат, все для туристов, понимаешь? Развернулись, короче.

– У тебя есть сестра?

– Ну да, Тонька! Она хоть и косит немного, еще с детства, а мужика отхватила себе нормального, с понятием. Вот я и подумал: а мы чем хуже? Ну, как тебе мой план?

Надя бывала в Лазаревском. И живо представила себе большой чистенький домик с верандой, увитой виноградом, сад с разросшимися абрикосовыми и персиковыми деревьями с отяжелевшими от плодов ветвями, розовые кусты, обрамляющие зеленую лужайку с пледом, на котором играют маленькие дети.

– Хороший план, – неуверенно пробормотала она, смутно представляя себе, сколько же времени понадобится Виталию для того, чтобы заработать на такой рай. Спросить его об этом она не осмелилась.

Огненной вспышкой промелькнула мысль: а что, если сейчас взять и убежать? Спрятаться так, чтобы Виталий ее не нашел? И тогда жизнь ее вернется в прежнее русло и будет протекать в тишине и уюте их с Лерой дома, потянутся вереницей наполненные планами о будущем школьные дни, с подружками и друзьями, какими-то нелепыми концертами, конкурсами, выставками, олимпиадами, экзаменами, походами, вечеринками... И все это будет так безобидно и весело, как раньше! И Лера будет ей на завтрак печь блинчики, тетя Тоня Воропай каждую субботу будет приносить им сметану и яйца, а рыбак Семен – свежую рыбу. Сосед Чащин будет почти каждый вечер сидеть рядышком с Лерой на диване перед новенькой плазмой и смотреть сериал. А Надя в своей комнате, закончив все дела, устроится перед компьютером и будет втайне от бабушки играть в игру с чародеями, воинами и волшебниками.

Вечером Виталий привез Надю домой, наказал не выпускать из рук телефон, быть всегда на связи.

– Так ты выйдешь за меня? – спросил он ее уже на крыльце, когда рука ее коснулась двери. Виталий стоял рядом, и у него был вид человека, который оттягивает момент расставания. Или же Наде это только показалось?

– Хорошо, выйду... Но только мне надо будет поговорить об этом с бабой Лерой.

– И поговоришь. Только позже, когда все устроится. Ну все, зайка, жди моего звонка.

Лера была дома. Скандал не устроила, увидев внучку на пороге. Подошла, обняла.

– Я все понимаю, конечно, любовь. Но он чужой, понимаешь? О нем никто и ничего не знает. Бабы рассказывали – видели же вас на свадьбе, что красивый он, справный, высокий, смотрит так, что кровь у девок закипает, но что дальше? А, Надя?

– Ба, я не знаю...

– Вы где с ним были-то?

– В лесу, в доме каком-то большом. Там все как в сказке.

– Это, случаем, не дача губернаторского сынка, Капустина? Говорят, он прячется здесь от своего отца, баб возит, пьянки устраивает, а летом – охота, рыбалка...

– Я не знаю. Но ясно, что не местных этот дом. Богатый, большой. Там внутри все новое.

– Может, этот Виталий твой – друг Капустина, и тот ему ключи дал?

Баба Лера, хоть и хотела казаться спокойной, разговаривала, как под дулом пистолета – голос ее дрожал.

– Он испортил тебя, девонька... – Лера обняла внучку. – Может, тебе путевку взять в дом отдыха, сменишь обстановку, придешь в себя... Ты словно горишь вся, таешь... Одни глаза остались.

– Не знаю, ба.

Лера проводила ее до комнаты, принесла полотенце.

– Я там тебе бойлер включила, вода, наверное, уже нагрелась.

– Ба, я чистая. Там такая душевая кабина! А ванна! На гнутых, словно золотых ножках...

– Надя, никому из подруг своих ничего не рассказывай. Вот просто молчи – и все.

Наде же хотелось только одного – раздеться, надеть пижаму и лечь под одеяло. Спрятаться от своих мыслей. Уснуть, чтобы проснуться с ясной головой и знать уже, как жить дальше.

Виталия не было целых три дня.

Надя все это время лежала неподвижно на кровати и прислушивалась к звукам, доносящимся с улицы в открытую форточку, – не скрипнет ли снег под сапогами любимого, не бухнет ли тяжелая входная дверь, впустив его в дом.

Даже голос бабы Леры, говорившей в своей комнате по телефону с пасечником, она воспринимала как тихую ее беседу с внезапно появившимся Виталием.

Она слышала то, что хотела. А иногда, поднявшись с постели и устроившись возле окна и подперев щеки ладонями, она видела приближающуюся к их дому мужскую фигуру, точь-в-точь как у Виталия. И так было всякий раз, даже когда проходивший мимо окна человек в конечном счете оказывался стариком, подростком, а то и вовсе женщиной...

Телефон молчал. Не звонили даже подружки, как чувствовали, что ей сейчас не до них.

Школа тоже отступила на второй план, и все прошлое как-то затуманилось, уступая место еще более туманному будущему.

...Телефон ожил в полночь. Разрезал печальную тишину комнаты, словно охотничий рог, призывая к действию. Надя судорожным движением схватила телефон и, услышав голос Виталия, почувствовала, как проваливается в преисподнюю бессознания.

– Зайка, собирайся, возьми все самое необходимое и выходи на крыльцо. Я жду.

Надя встала, моментально оделась, набила рюкзачок свитерами, трусиками и джинсами, положила в кошелек все свои сбережения (действуя снова в каком-то странном, сомнамбулическом состоянии, отчетливо понимая, что Виталий наяву бросил ее, пропал, а то, что сейчас происходит, – сон, где можно вести себя как заблагорассудится), набросила дубленку, нахлобучила капюшон, спрятав волосы, и, осторожно ступая, выбралась из дома в сени, оттуда – на веранду, открыла дверь и вышла на крыльцо.

Снег искрился вокруг. Под фонарем, напротив калитки, стояла знакомая машина, из которой вышел Виталий. Поначалу он показался Наде пьяным, но потом она поняла, что он просто какой-то сонный или заторможенный. А может, и просто уставший.

– Наденька моя, – он сгрел ее в свои объятия. – Ну что, соскучилась по мне?

– Да, очень, очень! Я уже думала, что ты бросил меня!

– Ну какая же ты дурочка! Я же обещал тебе, что мы всегда будем вместе! Ну что, ты готова? Поедем. Садись в машину!

– И куда мы едем? Снова туда, в тот дом?

– Нет, на этот раз мы поедем в другое место. Но ты ничего не бойся, ты же со мной.

Машина медленно двинулась вдоль дороги и словно поплыла между сугробами в сторону станции.

У здания вокзала Виталий припарковал машину, вышел из нее, Надя, повинувшись его взгляду, последовала за ним. Круглосуточный киоск, светящийся изнутри, замело снегом. Виталий постучал в окошко, которое открылось не сразу. Появилась голова молодой женщины с растрепанными волосами.

– У вас водка есть?

– Ну да, есть. Вам какую?

Но вместо ответа Виталий мощно двинул кулаком внутрь окошка, послышался влажный и одновременно твердый звук, вскрик, звук падающего тела, сопровождаемый грохотом, после чего наступила тишина.

Он разбил ей лицо, подумала онемевшим рассудком Надя, не в силах пошевелиться от испытанного шока.

– Пойдем, зайка.

Виталий схватил Надю за руку и повел за собой, за угол, где решительно распахнул дверь и втащил ее в душную и провонявшую перегаром и табачным дымом утробу киоска.

Продавщица лежала вниз лицом на полу, уткнувшись в кусок пенопласта, служившего утеплением пола. Блондинка с непрокрашенными темными корнями волос, полная, в свитере и длинной вязаной юбке, обмотанная вокруг бедер пуховым платком, она напоминала бесформенностью мешок картошки.

Над ее головой, на противоположной стене от окошка, громоздился товар (тяжелые коробки с соком, бутылки с напитками), выставленный на сваренных самодельных металлических полках, об угол одной из которых продавщица и ударилась.

Белый пенопласт прямо на глазах Нади окрашивался льющей темно-красной кровью.

– Виталя? За что ты ее? – спросила Надя, не сводя глаз со своего возлюбленного, вытряхивающего из картонной коробки выручку и рассовывающего деньги по карманам.

– Пойдем, зайка, нам надо спешить... У нас поезд...

– Она мертвая, мертвая... Она не дышит. Ты слышишь? Ты ее убил! Мы ее убили!!!

И Надя тихо заскулила.

2. Борис. Саратов, 2014 г

Следователь прокуратуры Борис Петрович Гладышев, худощавый брюнет с синими глазами, в толстом черном свитере и джинсах, посмотрел на часы. Допрос обвиняемого длился почти три часа. Сейчас почти восемь вечера. Надя давно покормила детей ужином, и они поджидают его всем семейством. Старший Владимир восьми лет и младший Денис, которого они все привыкли звать Дени, четырех лет. Его мальчишки, его счастье, его отрада. Глядя на них, на Надю, невольно задумаешься о существовании Бога и станешь молить его, чтобы только с ними никогда и ничего не случилось. Чтобы нелюди прошли мимо них. А их много – полные тюрьмы, и все это реальность, которой им надо остерегаться. Уж Борис-то знает о них все. Убийцы, насильники, извращенцы, маньяки... Сколько он их уже видел-перевидел и сколько лет сдерживался, чтобы не расправиться с ними прямо здесь, в кабинете.

Он подошел к окну, распахнул его, впуская морозный январский воздух. Пусть кабинет проветрится. Может, конечно, этот Котельников и не убивал свою жену, но алиби-то нет... Да и мотив имеется – все окружение твердит, что у него, молодого директора трикотажной фабрики, была и есть любовница, хозяйка мехового салона, Тамара Будник.

Ладно, хватит уже об этом.

Свежий воздух заполнил кабинет, вытесняя притаившиеся по углам обрывки лживых фраз, произнесенных Котельниковым, горький дух табака и запах самого преступления.

Все думают, что Борис толстокожий, что он давно уже привык к трупам и никак внешне не реагирует даже на самые жестокие картины убийств. Но это не так. Он все чувствует, все пропускает через себя. Быть может, поэтому так и переживает за Надю, за мальчиков, потому что знает – опасность подстерегает каждого повсюду.

Быть может, Розу Котельникову убили случайно, перепутали с кем-то, может, она была свидетелем чужого убийства – и такое бывает. Или же ее действительно убил, размозжив голову мраморной лягушкой, остывший к ней и тяготившийся ею муж.

Но в кабинете пахло преступлением, и запах этот исходил от Виктора Котельникова, молодого, худощавого, с холодными глазами парня, которому так и хотелось съездить по физиономии, чтобы привести в чувство и заставить его подписать признательные показания.

Борис выкурил последнюю, как он полагал, сигарету за этот день, закрыл окно, привел в порядок бумаги на столе, спрятал папки с делами в сейф, запер его, надел куртку и вышел из кабинета.

В машине было холодно. Но включать обогрев смысла не было – дом в пяти минутах езды от прокуратуры, салон все равно не успеет прогреться.

А мороз градусов двадцать – двадцать пять. Кругом темно, улицы пустые, все нормальные люди уже дома, ужинают, отдыхают. Кто-то решил провести вечер в театре, кто-то – в ресторане. Сейчас многие ужинают в ресторанах, устраивают себе праздники. Женщинам это особенно, должно быть, приятно – можно не стоять у плиты, не мыть посуду. А вот они с Надей уже сто лет нигде не были. Ни в театре, ни в кино, ни тем более в ресторане. И все это из-за его работы. Полная занятость. Да и голова всегда работает, нет ей покоя. Другая бы на месте Нади давно бы уже устроила ему скандал, взорвалась бы. Надя же просто ждет его. Шутит еще, сравнивая себя с терпеливой и преданной женой великого комиссара Мегрэ. Она-то мужу скандалов не устраивала. Кормила его, собирала в командировки, вязала шарфы, грела домашние туфли и старалась как можно реже беспокоить мужа телефонными звонками. Золотая женщина!

– Вот и ты – мадам Мегрэ. Буду тебя так называть.

– Хорошо. Я согласна.

Надя – идеальная женщина. Таких не бывает. Борис никогда не говорил это вслух, не хвастался перед сослуживцами, да и вообще старался произносить ее имя как можно реже. Надя и мальчики – это его семья, его мир, куда он не хотел впускать вообще никого из своего окружения. Работа – это работа. Семья – это то важное, ради чего он и занимается своей работой, подчас рискуя жизнью. И не столько ради денег, сколько ради наведения порядка в том обществе, в котором ему приходится жить. Будь его воля, он увез бы семью подальше из этого города, куда-нибудь, где самый маленький процент преступности. Швейцария, Ирландия, Исландия... Только не в Японию. Япония – это как другая планета. Нет, не Япония...

«И далась мне эта Япония?»

Борис поставил машину на свое, отвоеванное во дворе место под своими окнами, расположенными на втором этаже девятиэтажного дома, вышел, открыл багажник и достал коробку, перевязанную бечевкой. В кондитерскую он заезжал еще в обед и купил так любимые Надей и детьми берлинские слоеные пирожные.

Он поднимался в лифте, представляя себе, как обрадуются сладостям мальчики, как обнимет его и поцелует Надя.

«Мадам Мегрэ, ваши любимые берлинские пирожные!» – вертелось уже на языке, когда он подошел к двери и позвонил. Затем еще раз. Было странно, что ему так долго не открывали. Обычно Надя сразу же возникала за дверью, он слышал ее шаги, смотрела в глазок (он взял с нее клятву, что ни она, ни дети никогда не откроют двери незнакомым людям), после чего со словами «А вот и папа пришел!» открывала.

– Надя? – негромко позвал он, стараясь не привлекать внимания соседей своим голосом.

Но за дверью было непривычно тихо. Борис достал ключи и отпер один за другим все три замка. Распахнул дверь. Сердце его колотилось. Куда все подевались? Господи, хоть бы с ними ничего не случилось!

В их семье было принято предупреждать практически о каждом шаге, перемещении Нади ли, детей. Когда Надя отправлялась, к примеру, за покупками в город, она звонила Борису, чтобы сообщить ему об этом, а если он бывал очень занят и долго не отвечал на звонок, отправляла ему сообщение «Я поехала на рынок». На этих звонках и сообщениях настаивал сам Борис. «Чем бы я ни занимался, где бы ни был, я всегда буду рад твоему звонку, я должен знать, где вы, чтобы в случае опасности прийти к вам на помощь».

Безусловно, чужие люди, узнай они об этой особенности их отношений, об этих правилах, были бы удивлены. Надя же, всегда помня о специфике профессии мужа и понимая, что все это делается исключительно из самых лучших побуждений человека, каждый день сталкивающегося со злом, неукоснительно выполняла все его просьбы, соглашалась и с другими его странностями. Главным для нее было – душевный покой Бориса.

И что же случилось теперь? Куда они все подевались? Он позвонил: Надя была вне зоны действия сети.

Борис, решительно заглядывая во все комнаты квартиры, по пути включая повсюду свет, взглядом опытного следователя искал следы борьбы или признаки беспорядка, которые указывали бы на беду. У Нади было одно свойство, которое, может, у другого мужчины вызывало бы раздражение или усмешку, а у Бориса – чувство восхищения и уважения: Надя была чрезмерно аккуратна. За что бы она ни бралась, все делала настолько чисто и идеально, раскладывая все в стопочки, ряды, что, даже находясь где-нибудь в гостях, скажем, у своей свекрови, у матери Бориса, Евгении Спиридоновны, она и там находила какие-то вещи или

предметы (оставленная на журнальном столике книжка, рассыпанные конфеты, обувь в прихожей), которые машинально прибирала, складывала, придавая даже живописному беспорядку четкие линии.

Сейчас же, осматривая квартиру, он как будто бы успокоился, обнаружив, что ничего, что не было бы аккуратно сложено, нет. Все как обычно. И обувь в прихожей стоит на полу ровно, парами.

Вот только детей нет и Нади.

Он сразу же позвонил матери. Голос его дрожал:

– Мама? Дети у тебя?

– Да, Боренька, не волнуйся, у меня... Я как раз собиралась тебе звонить. У Нади проблемы с телефоном, разрядился... Она привезла мне еще днем мальчиков, сказала, что у нее умерла какая-то родственница, что она хочет успеть на похороны, что потом позвонит и все подробно расскажет и объяснит, и уехала.

– Да? – У Бориса даже голос пропал. Он начал сипеть. – И что же? Она тебе больше не позвонила?

– Нет, но, думаю, еще позвонит. Все-таки у человека горе. Надя очень эмоциональная, думаю, она тяжело переживает семейную трагедию.

– Мама, а она не сказала, где жила эта тетя? Где похороны? Куда она поехала-то?

– Нет. Но я думаю, что похороны там, откуда она родом – станция Сенная. Ты, сынок, звонил ей?

– Конечно, звонил. Ее телефон вне сети или выключен.

– Ну, правильно. Она так и сказала мне, что он у нее разрядился. Знаешь, так всегда бывает – когда нужен телефон, он оказывается разряжен. Уж не могут изобрести батарейки помощнее. Так ты приедешь?

– Не знаю. Я должен найти Надю. Или связаться с ней. Вот найду, поговорю, тогда и приеду к тебе. Пока, мам.

В квартире было так тихо, что уши заломило.

Борис еще раз прошелся по комнатам. В спальне заметил легкую примятость на покрывале, словно там лежало что-то тяжелое. Сумка? Чемодан? Или кто-то сидел?

Он бросился в кладовую – чемодан оказался на месте. Да и вещей в шкафу как будто бы не убавилось.

В детской комнате на ковре игрушки остались в таком виде, словно ими играли до определенного момента, после которого дети как-то быстро встали, собрались и покинули комнату. У Нади не было времени прибраться за ними. Вот он – элемент беспорядка! Неожиданность! Хотя все правильно. Умерла родственница. Конечно же, это было неожиданно, иначе Надя рассказала бы ему, предположим, о болезни своей родственницы, уж как-нибудь да точно прокомментировала это. Что тетя заболела, что дела совсем плохи...

Но вот о тете они вообще никогда не говорили. О Лере, Надиной бабушке, вспоминали часто. Надя с ней перезванивалась, Лера посылала им поездом через знакомую проводницу посылки с деревенскими продуктами: медом, сметаной, замороженной птицей. Лера, слава богу, была здоровой, еще крепкой женщиной в свои шестьдесят семь лет. И вряд ли мама что-то спутала, назвав бабушку тетей.

Борис бросился в прихожую, где на полочке лежал толстый блокнот с номерами телефонов. Уголки страничек, вырезанных ступенчато в алфавитном порядке, были потрепаны. Вот она, буква «Л». Он без труда нашел телефон бабы Леры, позвонил.

– Да, Боря, слушаю, – услышал он спокойный, как всегда, голос Леры.

– Надя у вас, Валерия Николаевна? – спросил и затаил дыхание. Промелькнуло: какое же это страшное чувство ожидания беды. Предчувствие надвигающейся катастрофы. Страх потери.

– Нет. А что, она должна быть у меня?

Бориса словно током ударило. Он даже говорить не смог. Несколько секунд молчал, собираясь с силами.

– Валерия Николаевна, у Нади есть тетя? Тетя, которая умерла и к которой она на похороны отправилась?

– Я, конечно, очень люблю свою внучку, – после паузы проговорила уже более тревожным голосом Лера, – но никогда не покрывала и покрывать не стану. Нет у нее никакой тети. Боря, ты поверь мне, я вырастила Надю... Все что угодно предполагай, даже самое страшное, но только не измену. Она любит только тебя. Ты понял меня? Она в беде, разве ты еще не понял, не прочувствовал? Ищи ее, – вот теперь и в ее голосе появились страх и паника. – Ты за нее в ответе. У вас дети. Если нужно, я приеду.

– Я вам потом перезвоню. А вы, если вам станет что-нибудь известно о Наде, сообщите мне, пожалуйста. У вас же есть мой телефон?

– Да, конечно, есть. Господи, да что же на этот-то раз???

Что делать? Где ее искать? Что вообще случилось?

Были бы у нее подруги, он позвонил бы им. Да только не было у нее никаких подруг. Всех заменил ей Борис. Она всегда была с детьми, дома, выходила только за покупками, в поликлинику, детский парк. Вставала рано, готовила завтрак, кормила Бориса, мальчиков, провожала его на работу и до его прихода занималась детьми, домашними делами.

Борис вошел в кухню и замер. Ему показалось, хотя нет, не показалось – его воображение нарисовало ему Надю. В белом махровом халатике, сидящую за столом с чашкой кофе в руках. Солнце сверкает в ее огненно-рыжих волосах.

«Ты жену взаперти держишь?» – как-то спросил его коллега, Сергей Капустин.

Зачем сказал? Сидел за столом, что-то там писал, потом вдруг поднял голову, внимательно посмотрел на Бориса и задал этот дурацкий вопрос. Вопрос-обвинение.

Помнится, Борис ему тогда ничего не ответил.

Что они все знали о Наде? Да ровным счетом ничего. Видели, может, несколько раз, когда она приходила к нему на работу по каким-то важным семейным делам.

Тихая и скромная Надя в стенах прокуратуры смотрелась как-то иначе, чем дома. Вроде строгий костюм, узкая юбка, а фигура – как на ладони. Мужики в коридорах чуть шеи себе не свернули, разглядывая ее. Белая кожа, рыжие кудри, стройные ножки в туфельках на шпильках, спину держит ровно, шея длинная, взгляд надменный, с едва заметной насмешкой. Какая-то другая Надя, даже немного чужая.

...Борис оделся и выбежал из дома. Где ее искать?

Он принялся звонить своим друзьям из полиции, прокуратуры, вернулся домой замерзший, сделал копии ее фотографии и разослал по Интернету тем, кто мог бы задержать ее в аэропорту, на вокзале...

Стыд выжигал его изнутри. Он был уверен, что никто из его окружения даже и мысли не допускает, что с ней случилась беда. Все думают, что она сбежала от него с любовником. Борис просто чувствовал это.

Но это ведь невозможно! Она любит его, а он любит ее. Они – одно целое. Их невозможно разделить.

И если она ушла, уехала, значит, это было необходимо.

Он снова позвонил матери.

– Мама, как Надя выглядела? Во что была одета? Ты заметила что-нибудь особенное в ее внешности поведении?

– Боренька, ну конечно, она выглядела очень расстроенной. Глаза были заплаканы. На ней были джинсы и дубленка. На голове – черная шапочка. Я еще удивилась, что она надела шапку. Я же знаю твою Надю – она терпеть не может шапок. Всегда говорила, что у нее волосы вместо шапки...

– Как? Как ты сказала: «говорила»? Почему в прошедшем времени?

– Боря, да что ты такое говоришь?!

– Ладно, мама... Скажи, она ничего не говорила, как будет добираться до места: на машине, поезде или самолете?

– Я так поняла, что она без машины. Ее машина в ремонте, насколько мне известно. Да-да, она еще сказала, чтобы ты забрал ее в субботу. Вот, хорошо, что вспомнила. Ты же знаешь, где машина?

– Знаю. И мастера ее знаю. Сейчас позвоню. Господи, как же я раньше не догадался? Ладно, мам, спокойной ночи. Поцелуй мальчиков за меня. А я приеду позже.

Он позвонил мастеру, его звали Дима. Тот подтвердил, что машина будет готова только через два дня, в субботу.

Спросить его открытым текстом, не видел ли он Надю, не приходила ли она к нему за машиной, не обманывает ли она его, он не мог.

Полночи он провел в метаниях между домом и двором. Дома прислушивался к звукам, доносящимся из-за двери. На улице, во дворе высматривал прохожих, пытаясь разглядеть Надю. Замерз. Дома выпил виски, немного согрелся. Вышел из квартиры и позвонил соседке, Валентине Семеновне. Разбудил, конечно.

– Борис Петрович? – Соседка, кутаясь в халат, смотрела на него маленькими заспанными глазками. – Что-нибудь случилось?

– У меня жена пропала, – выпалил он, словно нашел наконец объект, перед которым он мог бы выговориться. – Отвезла детей моей матери и исчезла. Ее нигде нет. Придумала какую-то тетю...

Он шептал, но шепот был громкий, напряженный, даже в горле заломило.

– Да вы зайдите ко мне, поговорим, – сказала она.

– Нет-нет, лучше ко мне. А хотите виски?

– Почему бы и нет?

Валентина Семеновна была женщиной одинокой, но не вредной, не злобной, жила уединенно, практически ни с кем не общаясь. Презирала, по словам Нади, соседок-сплетниц. Очень любила Вову и Дени. Когда они были совсем маленькими, она присматривала за ними, когда Наде нужно был срочно куда-то отлучиться.

Борис усадил ее на диване в гостиной, принес бокалы. Разлил виски.

– Скажите, вам что-нибудь известно? Где она может быть? Вы кого-нибудь видели?

– Видела. Уж так случилось, что я как раз в этот момент выходила из дома, собралась в магазин за хлебом. Так не хотелось мне мерзнуть, на улице-то какой мороз!

– Кого вы видели? Где? Поконкретнее, пожалуйста.

– Мужчину. Он как раз стоял перед дверью и разговаривал с вашей женой.

– Опишите мне его.

- Высокий, худой. Не молод. Лицо, знаете, такое суровое, мужественное.
- О чем они говорили?
- Это он говорил, а она стояла и слушала. И вид у нее был растерянный и, я бы даже сказала, испуганный.
- И что потом?
- Не знаю. Мне надо было идти.
- И больше ничего?
- Нет.
- Время точно вспомнить можете?
- Приблизительно одиннадцать утра.

Борис никогда еще не чувствовал себя таким глупым и слабым. И как хорошо, подумал он, что людям не дано еще читать или слышать мысли друг друга. Иначе Валентина Семеновна подумала бы, что он просто идиот. Так задавать вопросы, в такой наиглупейшей последовательности! Хотя она неплохая женщина, душевная, со слов Нади, разумеется. Значит, все поймет и простит. Все-таки пропала жена.

В последнее время эта пожилая соседка была, пожалуй, единственным человеком из чужих, с кем Надя общалась. Пусть по-соседски, но все равно.

– Валентина Семеновна, скажите, быть может, накануне вы виделись с Надей, и она показалась вам расстроенной, обеспокоенной чем-то? Может, вы раньше видели рядом с ней этого человека?

– Нет-нет, ничего такого, Борис Петрович, я бы запомнила это лицо. Он же похож на Кощея Бессмертного! Такими лицами только детей пугать.

– Он что, настолько уродлив?

– Как сказала одна моя знакомая о женщине с раздутыми, словно от флюса щеками: у нее такая модель лица. Вот и у него тоже такая модель лица. То есть он от природы такой – с большими глазами, высокими скулами, впалыми щеками, высоким, изрезанным морщинами лбом. Ну, может, ему лет пятьдесят. И раньше, повторю, я его не видела. Я понимаю ваш вопрос... Я вам так скажу: я Надю никогда не видела с другими мужчинами. И если она пропала, то уж точно не из-за мужчины. Я, Борис Петрович, человек наблюдательный. Сами знаете, живу я одна, мне бывает очень тоскливо и скучно. Своей семьи нет, ни мужа, ни детей, ни внуков. Конечно, я волей-неволей наблюдаю за другими людьми. А поскольку мы с вами соседи, то сами понимаете, кое-что вижу, понимаю... Так вот, Надя – чудесный человек. Очень добрая, спокойная, прекрасная мать и, безусловно, верная жена. И вся ее жизнь вне дома происходит почти на моих глазах. Я в окно вижу, как она гуляет с мальчиками. Встречаю ее в магазине. Один раз видела на рынке, мы с ней вместе выбирали мясо. Она домашняя женщина, понимаете? Не сплетница. Не скажу, чтобы была молчуньей, она любит поговорить, но все больше о прочитанной книге, о просмотренном фильме. Пофилософствовать любит, чувствуется, что она от природы умница, да только образования ей не хватает. Насколько я могла понять из общения с ней, она очень сожалеет именно об этом – что не занималась своим образованием. Она так и говорила мне, что, мол, дети вырастут, муж сделает карьеру, а я так и буду стоять у плиты.

Борис почувствовал, как жаркая волна окатила его с головы до ног. Это был стыд. Ему было стыдно перед соседкой за то, что его жена была несчастлива с ним. Что ей хотелось развиваться, а он, вместо того чтобы хотя бы попытаться понять ее, сам решил, что требуется для ее счастья: дом, семья, дети.

Зная, что Валентина Семеновна никогда и ни с кем не станет обсуждать его проблемы, он признался:

– Представляете, а она никогда не говорила мне о том, что хочет учиться.

– Да она просто боготворит вас. Она любит вас так, как если бы вы были ее личным богом. Она готова молиться на вас.

– С чего это вы взяли?

– Да это же бросается в глаза. А еще... Может, в другой раз я бы и не сказала вам, но алкоголь развязывает язык... К тому же, быть может, мои слова помогут вам лучше понять свою жену.

– Что, что еще случилось? – раздраженно спросил Борис, которому виски тоже ударило в голову.

– У меня сложилось такое впечатление, будто бы Надя боится вас.

– Меня? Да что вы такое говорите? Как? Почему? Она что, сама вам сказала?

– Боже упаси! Она вообще никогда о вас ничего не говорила. Но я же вижу, как она старается, как наводит порядок, как вылизывает квартиру, готовит и при этом умудряется хорошо выглядеть, чтобы понравиться вам. Вроде бы все нормально, и ее поведение можно расценивать как желание понравиться любимому мужу, если бы, знаете, не ее глаза, ее взгляд... Словно она боится чего-то.

– Но чего ей бояться?

– А вы сами ничего никогда не замечали? Никогда не видели ее слез?

– Она редко плачет... Посмотрит какой-нибудь фильм и плачет. Или дети заболеют, и она чувствует себя беспомощной, сидит и плачет... Но, поверьте мне, я никогда ее не обижал! Я не изменяю ей...

Тут Борис понял, что зашел в своей откровенности слишком далеко. И что, сам того не желая, впустил соседку в свою личную жизнь. Он с матерью так давно не разговаривал, как с Валентиной Семеновной.

Однако, осознав это, уже не мог остановиться и продолжил, нисколько не стесняясь:

– Да Надя для меня – все! Она – вся моя жизнь. И она знает это. Ей нечего было бояться. И то, что она пропала, вернее, чего уж там, ушла от меня, осознанно отправив детей к моей маме, говорит лишь о том, что у нее есть другой мужчина. Быть может, вы просто покрываете ее? Женская солидарность, так сказать.

– Нет-нет, даже и не думайте! – Соседка замахала руками. Лицо ее разругалось, глаза повлажнели. Борис вдруг подумал о том, что человек с такими добрыми глазами и открытым взглядом не может лгать. – Понимаете, я бы никогда не согласилась пить с вами виски в такой ситуации, если бы Надя доверила мне свои тайны. Я здесь исключительно потому, что точно знаю – Надя вам никогда не лгала и у нее никого нет. И ей нечего от вас скрывать. Так же, как и мне. И если она ушла, тем более без детей, то есть успела позаботиться о них, свидетельствует о том, что у нее на это были причины. Серьезные. Однако не связанные с другим мужчиной.

– Она сказала моей матери, что поехала на похороны тети. А никакой тети у нее нет. Я знаю это точно. Разговаривал недавно с ее бабушкой.

– Да-да, она рассказывала мне про свою бабушку, которую она звала просто Лерой. Она очень любит ее и считает чуть ли не своей матерью. Насколько мне известно, мама Нади бросила ее, когда та была совсем крошкой. И ее воспитывала как раз эта Лера.

– Да, и это именно Лера сказала мне о том, что нет ни тети, ни похорон...

– Борис, а вам не приходило в голову, что ее исчезновение может быть связано с вашей профессиональной деятельностью?

– Мне даже страшно подумать об этом, – признался Борис. – У нас бывали такие случаи, когда, чтобы отомстить следователю, вредили его семье...

– У вас есть враги?

Он усмехнулся.

– А вы как думаете?

– Вы – следователь прокуратуры, в ваших руках – жизнь преступников. И от вас подчас зависит судьба людей, вернее, нелюдей.

– Это вы точно заметили. Большинство из них – нелюди.

– Вот и я о том же. А у этих нелюдей есть родные, близкие, которые, быть может, не согласны с тем, что вы делаете...

– Да понимаю я все, – Борис закрыл лицо руками и замотал головой. Разве она не понимает, что причиняет ему своими словами боль? – Знаете, если так, если ее похитили или с ее помощью решили мне отомстить или решить какие-то свои вопросы, а подозревать в этой ситуации я могу практически всех тех, чьи дела я веду, то уж пусть лучше у нее будет любовник, и не один...

Он все-таки сказал это вслух. Это все виски.

Валентина Семеновна положила свою пухлую руку на его плечо.

– Борис, а что, если тетя все-таки есть, и Лера просто о ней не знает... Может, это не родная тетя, а просто родственница. Или, что тоже может быть, Надя просто разыскала свою мать и решила встретиться с ней втайне от всех?

– Я тоже думал об этом. Но зачем делать из этого тайну? Кто может осудить ее за то, что она решила с ней встретиться? Это ее дело, понимаете? Простить или не простить... Мать... Что тут скажешь? Но мы прожили с Надей одиннадцать лет, и она хорошо знает меня, она не стала бы скрывать от меня подобные вещи.

– Борис, вы извините меня, но мне нужно идти. Я и так задержалась у вас. Простите, если сказала что-то лишнее. Я от души, от всего сердца хотела вам помочь. Не знаю, поверили ли вы мне относительно личной жизни вашей жены, но Надя – кристальной чистоты женщина. Это мое мнение. Вы, безусловно, лучше ее знаете, сами сказали, что прожили с ней одиннадцать лет.

Она перевела дух, поднялась и, покачиваясь, направилась к выходу.

– Пойдите! Вспомнила... Хотя не уверена, что это может вам как-то помочь... В ногах этого Кощея стояла большая дорожная сумка. Вернее, не такая уж и большая, длинная, вытянутая, думаю, что это скорее даже спортивная сумка, темно-синяя, там название написано английскими буквами, а над названием летящая белая пантера или пума...

– Название длинное?

– Достаточно, первая буква, кажется, «S» латинская...

– А вы на самом деле наблюдательная.

– Вот и взяли бы меня к себе на службу. Глядишь, и сгодились бы...

Валентина Семеновна вздохнула, улыбнулась своим мыслям, Борис открыл ей дверь и проводил до квартиры.

Он вернулся домой, плеснул себе еще виски. Как-то быстро все разрушилось. И ощущение нависшего над ним неблагополучия, пустоты и холода поселилось в сердце.

Словно и не было семьи, детей и Нади. Но не приснилось же ему все это? И мальчики у мамы. И те одиннадцать лет, что он считал себя счастливым, – разве это не было пьянящей реальностью?

Ну не мог же он себе все это придумать, а Надя все эти годы жила притворством?

Надя. Впервые он увидел ее в 2001 году, в следственном изоляторе. Сообщница убийцы.

Бледная, с растрепанными рыжими волосами, доходящими ей до талии. В глазах – страх и еще раз страх! Совсем девчонка, школьница еще, ей было тогда всего-то шестнадцать.

Бандит, вор, убийца, Виталий Бузыгин за неделю до задержания ранил ножом бизнесмена Валерия Кротова, заставив его снять с банкомата всю имевшуюся там наличность, и позже убил продавщицу круглосуточного ларька Ларису Пономареву, забрав всю выручку. После чего с Надеждой Юфиной сел на поезд Барнаул – Кисловодск.

Двадцатидвухлетний Борис Гладышев, студент Академии права, проходивший практику в районной прокуратуре, окунулся в это дело с головой...

3. Надя. Саратов, 2014 г

Ее звали Катя Строганова, она тоже была родом с Сенной, училась на класс младше Нади. Они повстречались года два назад, в городе, зашли в кафе, разговорились. Катя давно живет в городе. Работает на кондитерской фабрике. Замужем, детей нет. Муж преподает в университете экономику. Катя искренне обрадовалась встрече с землячкой, они вспомнили своих знакомых, друзей, учителей, обменялись телефонами, адресами.

– Ты только не исчезай, – сказала при расставании Катя, обнимая Надю. – Все-таки мы – свои. Мой муж, он... как бы тебе это сказать... Словом, я так и не поняла, зачем он женился на мне. Мы с ним совсем разные. Он умный, почти ученый, а я – простая девушка, работаю на кондитерке, пеку вафли, печенье. Мне с ним и поговорить-то не о чем.

Надя пообещала ей звонить и обещание свое сдержала, звонила несколько раз, но ей никто не ответил – абонент был всегда либо выключен, либо находился вне зоны действия сети.

Вот и в тот день было то же самое. И Надя рискнула отправиться прямо домой к Кате. Понимала, что действует не совсем правильно, что надо бы предупредить о своем приходе, но обстоятельства складывались таким образом, что ей надо было куда-то спрятаться, исчезнуть, и так, чтобы Борис ее не нашел. О существовании Кати он не знал, как не знал и о многом другом...

Катя жила в центральной части города неподалеку от городского парка, в многоэтажке.

Надя поднялась, позвонила в дверь. «Господи, сделай так, чтобы она была дома...» – твердила она про себя, всматриваясь в дверной глазок, вмонтированный в плоть дерматиновой обшивки двери.

И вдруг она услышала:

– Кто там?

Это был женский голос, но только очень тихий.

– Катя? Это я, Надя. Надя Юфина, помнишь меня?

Дверь открылась, и она увидела закутанную в черную длинную шаль Катю. Волосы ее были спутаны, взгляд потухший. В руке дымилась сигарета.

– А... Это ты. Проходи, – она отступила, пропуская Надю в квартиру. – Прямо и первая дверь налево.

У нее кто-то умер. Скорее всего, муж. Это было первое, что пришло на ум.

Катя почти подтолкнула ее в комнату, после чего заперла за собой дверь на ключ.

В комнате было темно, Катя включила свет, и Надя увидела смятую постель, разложенную на диване, стол, заставленный стопками грязных тарелок и чашек, повсюду беспорядок, вещи раскиданы по стульям и креслам. Под ногами ковер, который не пылесосили несколько месяцев.

– Катя, дорогая, что случилось? Он умер? – спросила Надя ее прямо в ухо. – Я не вовремя...

– Да уж лучше бы он умер, – ухмыльнулась Катя.

Надя всмотрелась в ее лицо. Случилось что-то страшное, ужасное, иначе откуда это нежелание жить, о котором кричит каждый предмет в комнате, каждая пылинка!

– Мы развелись, Надя. Но продолжаем жить под одной крышей. И он приводит сюда другую женщину. А я, я... я медленно умираю...

Глаза ее моментально наполнились слезами, она бросилась к Наде, крепко обхватила ее за шею, прижалась к ней. И тихо, но сильно разрыдалась.

– Почему ты умираешь?

– Потому что он больше не любит меня.

– Но от этого не умирают. Жизнь-то продолжается. Где он сейчас, дома? И вообще, как его зовут?

– Саша. Его сейчас нет. Он будет только поздно вечером. И придет не один. Они будут слушать музыку, смеяться вот за этой стеной, – Катя широко раскрытыми глазами уставилась на стену, и на какой-то миг показалось, словно она слепая. – Потом по квартире поплывут запахи еды... Еще я услышу плеск воды в ванной комнате, будет громко работать телевизор, и снова они будут смеяться... Надя? Ты просто так зашла ко мне или тебя нашли мои подруги с кондитерки?

– Нет-нет, никаких подруг твоих я не знаю. Я пришла к тебе, потому что мне больше некуда пойти.

– А у тебя что случилось? С мужем поссорилась?

– Можно сказать, что и так... Приютишь меня?

– Да, конечно! Живи, сколько хочешь! Выпить хочешь?

– Я не пью.

– Вот и я тоже. Но, говорят, при стрессе помогает. Я вот пока только курю.

– Послушай... не знаю, как тебе сказать... Словом, никто не должен знать, что я у тебя.

– Постой, Надя... Насколько я помню, у тебя семья, муж и двое сыновей. Надеюсь, все здоровы?

Вот сейчас ее глаза потеплели, и Катя начала оживать. Словно чужая беда, проблемы пробудили в ней саму жизнь.

– Да, слава богу, все здоровы. Детей я отвезла к свекрови, там о них позаботятся. А мне нужно решить одну проблему. И когда я ее решу, то, может, смогу вернуться домой, к мужу и детям и постараюсь восстановить все, что придется разрушить своим исчезновением. Во всяком случае, я этого очень хочу.

– Ты хочешь сказать, что тебя сейчас ищут... Что ты не просто так ушла, хлопнув дверью, как это поначалу сделала я, узнав о том, что у Саши есть другая женщина и что он собирается на ней жениться? Я же почти неделю не появлялась дома, не помню даже, где бродила... Три ночи спала с бомжами у теплотрассы... Хорошо, что нашла в себе силы вернуться, иначе замерзла бы или меня бы вообще убили...

– Господи, Катя!

– Вот такие дела... Правда, на этом дело не закончилось. Я же себе вены вскрыла, вот! – и Катя, задрвав рукава кофты, показала перебинтованные запястья.

Надя похолодела. Это какую же надо испытывать душевную боль, чтобы решиться на такое! А ведь Катя – вполне здоровая, рожденная в деревне девушка. Спокойная, неторопливая, улыбчивая. Белокожая брюнетка с всегда розовыми щеками. Правда, сейчас она выглядит заметно похудевшей, как после тяжелой болезни. Но главное, не заострять внимания на попытке самоубийства, превратить это если не в шутку, то, во всяком случае, попытаться отвлечь Катю от случившегося кошмара.

– Уф... Главное, что все это в прошлом... Катя, дорогая, надо смотреть вперед.

– Все это слова, ты же сама это понимаешь. Можно говорить все что угодно, только легче от этого не становится. Да? Ладно, давай о тебе. Ты почему ушла? Мужу что-нибудь сказала?

– Нет. Я просто ушла, без всякой видимой причины. Практически без вещей. Взяла только документы да детей отвезла к свекрови. Сим-карту выбросила, чтобы меня не вычислили. Кстати говоря, ты не сможешь мне с новой сим-картой?

– Да без проблем. Надя, да что случилось?

– Понимаешь, мой муж – следователь прокуратуры. И вся эта история связана с ним, с его делами... Поверь, я бы рассказала тебе, но просто не могу, не имею права.

– Все-все, я не буду тебя больше мучить. Ты мне скажи, чем тебе помочь, и я все для тебя сделаю. Заодно отвлекусь от своих мыслей. Сим-карту? Купить? Да я прямо сейчас смогу это сделать. Послушай, но он же будет тебя искать. Поднимет на уши всю полицию, прокуратуру.

– Пусть поднимает. Я потом что-нибудь придумаю, а пока мне и в голову ничего не идет... Главное для меня – встретиться с одним человеком...

– С женщиной?

– Нет, ты не подумай ничего такого. С женщиной. Быть может, я когда-нибудь тебе все расскажу. Но только не сейчас. Катя, пожалуйста, купи мне сим-карту... И еще. Я дам тебе денег, ты поедешь на вокзал с моим паспортом и купишь мне билет в Москву, на поезд. Постарайся, чтобы кассирша тебя не запомнила. Придумай что-нибудь. Очки надень, шапку нахлобучь так, чтобы лица было не разглядеть... Я знаю Бориса, он будет искать эту кассиршу, он попытается выяснить, когда поймет, что в Москву никто не поехал, кто покупал билет.

– А ты, значит, в Москву не поедешь... – Катя наморщила лоб, пытаясь осмыслить услышанное.

– Конечно нет. Просто выиграю немного времени, отвлеку тех, кто меня ищет. И еще, Катя... Поскольку мне придется какое-то время пожить у тебя, купи продуктов и все, что ты сочтешь необходимым. Мыло, шампунь, ну, ты поняла. Деньги у меня есть. Сейчас я дам тебе евро, ты их поменяешь и все купишь. Постарайся потратить всю сумму, потому что все то, что мы с тобой сейчас делаем, входит в мой план. Хороший план, не бойся. Грубо говоря, ты должна будешь продемонстрировать своему мужу и его подруге, что ты ни в чем не нуждаешься. Как будто бы тебе с неба упали деньги, понимаешь?

Катя растерянно смотрела на нее.

– Ты жить хочешь? Хочешь выкарабкаться из своей депрессии? Отвлечешься? Начать новую жизнь наконец?

– Ну, конечно...

– Вот и следуй моему плану. Я помогу тебе, а ты сможешь мне. Так что действуй, а я постараюсь здесь немного прибраться.

– Да, конечно... Ты не представляешь себе, как мне стыдно за то, во что я превратила комнату...

Катя закрыла лицо руками.

Ей не хотелось жить. Разве ей было дело до разбросанных вещей и пыли?

Она собралась и ушла.

Надя вышла из комнаты и осмотрелась. Первым делом, воспользовавшись тем, что она в квартире одна, подошла к двери комнаты, в которой обитал супруг Кати Саша, и открыла ее.

Не удивилась, увидев, что и в этой комнате беспорядок, но только другой, более праздничный, сотворенный обезумевшей от любви и страсти парой. Разобранная постель, засыпанная апельсиновой и банановой кожурой вперемешку с недоеденным, разложенным на фольге шоколадом, раскрытыми коробками с конфетами, на столике – пустые фужеры,

бутылка с недопитым шампанским, тарелки с остатками еды, на полу – женское белье, пепельница, полная окурков...

В ванной на полотенцесушителе два больших, свисающих почти до пола полотенца, темная кайма на стенках ванны, оставшаяся от грязной мыльной воды, на стеклянной полочке под зеркалом тюбики, флакончики, туалетные принадлежности, ватные тампоны, и все это присыпано розовой пудрой.

Ну и неряха эта дама, прибравшая к рукам чужого мужа!

В кухне в раковине – грязная посуда, мусорное ведро переполнено, пол, липкий от грязи и каких-то разводов...

Надя засучила рукава и принялась за уборку. Набрала в ведро горячей воды, сыпанула туда порошок и принялась повсюду вычищать грязь.

Ситуация, в которой она оказалась, казалась ей невероятной.

Сегодня утром, покормив детей завтраком, она, как обычно, занималась домашними делами, пока мальчики играли в детской. В дверь позвонили, она, как была, в домашнем халате и фартуке, подошла к двери, посмотрела в глазок и увидела незнакомого мужчину.

– Кто там? – спросила она, не собираясь открывать незнакомцу. Спросила просто так, мало ли что.

– Вам просили передать, – сказал мужчина.

– Что?

– Посылку.

– Оставьте под дверью и уходите, – сказала она, не собираясь нарушать инструкцию Бориса ни при каких обстоятельствах.

– Но я должен убедиться, что вы – Надежда Юфина, 1985 года рождения, родом со станции Сенная.

– Я покажу вам паспорт, не открывая двери...

– Это как?

– Цепочку не открою.

– Идет. Показывайте паспорт, а заодно и свое лицо.

Надя взяла с полочки газовый баллончик и, держа его одной рукой наготове, другой приоткрыла дверь и увидела перед собой мужчину, меньше всего похожего на курьера. Он был высокий, очень худой и мрачный. Просто ходячий скелет. Возраст было трудно определить. В его ногах стояла спортивная сумка.

Надя открыла паспорт на нужной странице и показала мужчине. Тот приблизил свое лицо и внимательно его рассмотрел.

– Как зовут вашу бабушку?

– Это еще зачем?

– Надо.

– Валерия Юфина.

– Какого цвета ее волосы?

– Такого же, как и мои. Рыжие, – ответила она, крайне удивленная вопросами. – Что-нибудь с Лерой?

– А... Валерия, Лера. Да, точно – Лера. Вот, вам велели передать, – он показал взглядом на стоящую в ногах сумку.

– Кто? Бабушка? Что там?

Вместо ответа мужчина развернулся и направился к лифту, который оставался на этаже, словно дожидаясь его. Двери раздвинулись, впуская его, и сразу же закрылись. Лифт уехал вниз.

Лестничная площадка хорошо просматривалась, даже в таком положении, через цепочку – она была пуста, и Надя быстро открыла дверь, схватила сумку и внесла в дом.

Захлопнула дверь. Сумка была относительно легкая, несмотря на свой объем.

В эту же минуту Надя услышала, как двери лифта открываются, она подбежала к двери и посмотрела в глазок: точно, снова этот «скелет», вышел из лифта, осмотрелся, вероятно, вернулся, чтобы убедиться, что она взяла сумку. И снова уехал.

Что там? Бомба? Она сама усмехнулась своему предположению. Можно было, конечно, позвонить Борису и рассказать о странном «курьере», о сумке, но тогда бы он разозлился на нее за то, что она все же открыла дверь незнакомому человеку, мужчине. Отругал бы ее, расстроился бы, уж она-то знает, насколько серьезно он бы отнесся к ее ошибке. Для него безопасность семьи – самое важное. К тому же не хотелось выглядеть в его глазах глупой и бестолковой гусыней, домашним животным с атрофированным мозгом. Не признаешься же ему, что любопытство взяло верх, и что упоминание имени бабушки сыграло в этой истории не последнюю роль.

Первое, что пришло в голову – это посылка от Леры. Хотя прежде посылки отсылались ей поездом, со знакомой проводницей, и представляли собой либо объемные корзины, либо картонные тяжелые коробки, набитые продуктами. Но это была спортивная сумка, к тому же довольно легкая.

Надя устроилась на коленях подле сумки и нагнулась, приложив ухо к молнии, не тикает ли механизм бомбы. Было и смешно, и страшно. Но ничего не тикало. Тогда она вышла в подъезд, подальше от детей, поставила сумку и дрожащей рукой, медленно потянула за язычок молнии, открывая ее. Пот катился с нее градом. Она понимала, что совершает безумный поступок, но и остановиться уже не могла. Да какая бомба?! Глупости все это! Миллионы людей получают какие-то посылки, и редко когда они взрываются.

Когда молния раскрылась наполовину, Надя потянула противоположные части верха сумки в разные стороны и осторожно заглянула в нее.

Там были деньги. Пачки денег. Уже это свидетельствовало о том, что ни о какой бомбе не может быть и речи. Какой идиот мог положить рядом с бомбой такие деньжищи?!

Пачки купюр по сто евро. Зеленоватые, словно лежащие под слоем воды – настолько они казались призрачными, нереальными.

Надя сунула руку в сумку и извлекла одну пачку. Аккуратная, но не в банковской ленте с печатью, а перетянутая тонкой розовой резинкой.

Это ошибка. Этого не может быть. Вероятно, в городе проживает еще одна Надежда Юфина, родом со станции Сенная, которой и предназначалась эта сумка. И что теперь делать? Искать эту Юфину? Да у нее еще и бабушку зовут Лерой!

Надя перенесла сумку в спальню, вытряхнула содержимое на ковер и принялась внимательно его изучать. Помимо денег, а их оказалось (у нее волосы зашевелились на голове!) миллион евро, на дне лежала жестяная коробка из-под шоколада, стилизованная под старину, красная, с изображенными на ней тремя хорошенькими девочками в шубках, присыпанных рождественским снежком, да еще с муфточками, на головах – меховые капоры. Не коробка – шедевр. Открыв крышечку, Надя высыпала оттуда несколько предметов, при виде которых

у нее и вовсе пересохло в горле. Это были чудесной работы старинные броши. Или копии их. С изумрудами, бриллиантами, жемчугом. Фантастической красоты сокровища!

Их свет ослепил Надю, и на какое-то время она выпала из реальности, все заволочло темным туманом с каким-то горьковатым болезненным привкусом, и она вспомнила потускневший, как старый рисунок, фрагмент из своей прошлой жизни.

Поезд Кисловодск – Барнаул, стук (словно тяжелым металлом по ее нежной судьбе) вагонных колес, запах вина от губ мужчины, непрестанно целовавшего ее, его грубые руки, нервно срывающие с нее одежду. Темное купе, дрожащий, словно размазанный по темному зимнему небу бледно-лимонный диск луны в окне, преследовавший их до самого конца... В перерывах между страшными в своей неотвратимости и даже боли половыми актами мужчина включал свет, доставал из-под тоненькой подушки пачки замусоленных российских купюр и любовался ими, поглаживал их, приговаривая: «Красиво надо жить, Наденька, красиво, иначе нет смысла».

Бандит. Убийца. Вор. И ее первый мужчина. Как такое могло случиться, что она села с ним в поезд и поехала в жуткую неизвестность? Где, в каком сугробе она оставила свою разгоряченную голову?

Вырвавшись один раз из его объятий как бы в туалет, хотя весь организм ее дал сбой и ему не хотелось ничего, кроме сна и покоя, она, пошатываясь и держась за стенки узкого коридора вагона, все же добрела до туалета, заперлась там. И ее сразу вырвало. Она словно желала исторгнуть из себя все чужое, страшное, опасное, преступное... Она исторгала из себя картины убийства продавщицы из ларька. И ей хотелось сбежать, исчезнуть, спрятаться куда-нибудь подальше...

Возвращаясь лунным коридором в свое купе, она открыла дверь, скользнула в жгучую темень, забралась, не раздеваясь, на верхнюю полку, укрылась шерстяным одеялом, которое нашла свернутым в валик, и затихла. Сна не было. Продавщица с разбитой головой в луже крови преследовала ее.

Виталий внизу спал так тихо, словно его и не было. Словно сдерживал дыхание.

Поезд, скрипя, остановился на какой-то станции, в купе вошли двое. Надя подумала, что если Виталий сейчас проснется, то порешит и этих пассажиров, чтобы они только не мешали их уединению. Но Виталий спал крепко. Мужчины же, казалось, не собирались спать. Они сидели в освещенном светом с улицы полумраке купе, шуршали, раздавались звуки, похожие на те, которые бывают, когда извлекаются из сумок свертки с едой, бутылки с выпивкой, что-то режется на ломти, булькает в стакане... Мужики. Двое. Выпивали и закусывали. Они были слишком возбуждены, чтобы вот так сразу лечь и уснуть.

Перрон поплыл за окном, запахло копченым салом, колбасой, вареными яйцами... Голубоватый лунный свет, льющийся в окно с просторов заснеженной стылой России, освещал скромную трапезу с россыпью яичной скорлупы, бледным бруском сала, темным хлебом, бутылку, пластиковые стаканчики.

Виталий, вероятно растратив все свои душевные и физические силы в эту ночь, спал как убитый, несмотря на то что рядом с ним, касаясь его, сидел один из попутчиков.

Они разговаривали. Шепотом, но иногда этот шепот срывался на хрип или даже громкие радостные возгласы. Обрывки фраз, слова:

«...Васильевский остров, Меншиков, броши, кольца, сокровища, жемчуг, сабля, усыпанная бриллиантами, – подарок Петра Первого, деревянный дворец, прорыли канал, бассейн, вельможи, по пояс в воде, балы, Посольский дворец, миллионы долларов, ссылка,

Меншиков, Петр, снова Меншиков, Малая Невка, план, рисунок, смотри, будем сказочно богаты...»

Надя впитывала все, что слышала. Картина вырисовывалась фантастическая и одновременно какая-то детская, навеянная ветром романтики и приключений.

Мужчины, довольно молодые, раздобыв карту какого-то бассейна, расположенного на Васильевском острове, собирались найти там клад Александра Меншикова, как будто бы того самого, фаворита Петра Первого.

Надя улыбнулась. Наивные дурачки. Клагоискатели.

В какой-то момент, когда она, вероятно, уснула на несколько минут, они покинули купе. Возможно, пошли курить в тамбур.

Надя быстро спустилась вниз, чтобы разбудить Виталия.

Она похолодела, когда, пошарив руками по нижнему диванчику, обнаружила, что он холодный и гладкий, без постели, и что там никого нет.

Сбежал!

Она включила свет, осмотрелась. Кроме нее, в купе никого не было. На столике была разложена закуска, стояли пластиковые стаканчики, бутылка с водкой. И потрепанная карта, густо исчерченная, с красными пометками в центре. Как в кино!

Усмехнувшись тому, что с ней происходит, всей этой нелепости, дурно пахнущей предательством и обманом, она схватила карту, сунула за пазуху и, выключив свет, вышла в темный коридор. С минуты на минуту могли вернуться кладоискатели.

В этот момент поезд проходил мимо какой-то станции, яркий свет уличных фонарей мазнул по длинному коридору вагона, освещая блеснувшие двери купе.

Раз, два, три, четыре...

Она вышла из третьего купе. Из третьего!!!

Надя дернула ручку двери четвертого по счету купе, вошла туда, закрыв за собой дверь, и продолжавший пульсировать в окне фонарный свет подтвердил ее счастливую догадку: Виталий был на месте, крепко спал на нижней полке, по-мужски грубовато похрапывая.

Сердце Нади билось почти в унисон со стуком колес.

Не сбежал! Просто уснул сразу после того, как она ушла. Разве мог он себе представить, что она, возвращаясь обратно, перепутает купе, заберется в чужое и окажется свидетельницей обсуждения чужого волшебного плана, что судьба сведет ее с кладоискателями или просто искателями приключений!

Как отреагирует Виталий на эти новости? Посмеется над ней или, наоборот, заинтересуется?

Пока она думала об этом, пока представляла, в соседнем купе было жарко от непрекращающейся ругани: кладоискатели, покудив в тамбуре, вернувшись, не обнаружили на столике своей карты, своей путеводной звезды, которая могла бы привести их к сокровищам!

Но это уже их проблемы. Для нее сейчас главное – удивить его, обрадовать, пусть он думает, что она приносит ему только удачу. Образ убитой продавщицы растаял в ночных купейных сумерках, растворился в ярких картинках с сундуками, набитыми золотыми монетами и сверкающими алмазной россыпью украшениями петровских времен.

Пусть он только выспится, отдохнет перед тем, как окунуться в новую жизнь.

Она хорошо помнила его пробуждение, когда она, расстелив на его коленях карту, приналась рассказывать ему то, что как будто бы услышала, находясь в коридоре вагона, напро-

тив купе, в котором ехали разговорчивые кладоискатели. Признаться ему в том, что она перепутала двери и почти целый час находилась в купе с неизвестными мужиками, она, конечно, не осмелилась.

– Представляешь, клад! Царский! Они вышли из купе в тамбур, я схватила карту и вернулась сюда!

– Ну, ладно, хорошо, клад так клад. Найду – поделюсь с тобой. – Он был сонный, спрятал карту в карман и снова закрыл глаза. – Зайка, я еще немного посплю, и позже мы поговорим об этом.

Но все сложилось совсем не так, как она могла себе представить. Виталий проснулся не сам, и даже не она его разбудила, не стук колес, не подселение новых ночных пассажиров, как это случилось в соседнем купе.

Поезд остановился на незнакомой Наде станции, дверь купе по периметру осветилась ярким контуром – включили свет снаружи, в коридоре вагона. Послышался топот бегущих ног, щелкнул замок в запертой двери (проводница расстаралась), дверь распахнулась, вспыхнул яркий белый свет неоновых ламп на потолке, и в купе ворвались люди в форме, скрутили Виталия, Надю, надели на них наручники и выволокли на улицу, на белый и скрипучий от снега перрон...

Следственный изолятор, допросы, запах несвободы, большой беды и огромные испуганные глаза бабы Леры...

Больше она Виталия не видела. Никогда. Зато узнала о нем многое: бандит, убийца, черный человек. И срок ему дали – двадцать лет строгого режима.

Надю же спустя месяц стараниями следователя, поверившего (не без участия, как она поняла, не в меру активного и равнодушного к ней стажера Бориса Гладышева) в ее невиновность и непричастность к совершенным Виталием преступлениям, отпустили.

Она окончила школу, вышла замуж за своего спасителя, и у нее началась совершенно новая, взрослая женская жизнь.

...И вдруг теперь эта сумка с деньгами и старинными украшениями.

Меншиковский клад? Вполне возможно! Тем более что значительно позже, когда в ее жизни появился Интернет, она сумела почитать о таинственных кладах Александра Меншикова. В ящике ее письменного стола до сих пор хранились статьи о Меншикове.

«Известно, что фаворит Петра I Александр Данилович Меншиков пользовался безграничным доверием царя. Император не раз называл его своей правой рукой, но обязательно добавлял: «Рука верная, но вороватая». Действительно, тот был не прочь при случае погреть руки за счет государственной казны. Однако основная часть его богатств была заработана, а вернее, заслужена честным путем».

Есть прямое упоминание и о масштабах его богатства.

«За свои заслуги перед императором Меншиков был пожалован золотой посудой весом несколько пудов, золотой и серебряной монетой на несколько миллионов рублей, царь не раз дарил ему драгоценное оружие, антиквариат, предметы роскоши и многое другое, включая мануфактуры и заводы, поместья и целые города. После основания Петербурга А.Д. Меншиков становится его первым губернатором. При этом царь дарит ему весь Васильевский остров, а также мызу Ораниенбаум. Здесь Меншиков строит себе роскошные дворцы.

Петр Великий щедро награждал Меншикова и за его военные заслуги. Так, за победу при Калише над шведами царь подарил ему украшенную алмазами трость, а курфюрст Саксонии пожаловал Александру Даниловичу два города – Оршу на Литве и Полонну на Вольни. За успешный штурм Батурина Петр наградил Меншикова селом Ивановским (бывшим владением Мазепы). Накануне Полтавской битвы у фаворита родился сын, крестным отцом которого стал сам Петр. Он назвал крестника Лукой и подарил ему целый уезд с доброй сотней сел. За победу под Полтавой Меншиков получил в свое владение города Почел и Ямполь. Помимо этого, он прибрал к своим рукам значительные военные трофеи, а также совершал махинации при поставках хлеба и сукна для армии и пеньки для флота».

И о конфискации:

«Но вот настал роковой для него 1727 год. Светлейший князь был арестован и сослан на поселение в сибирский городок Березов. В начале 1728 года началось составление описи драгоценностей опального Меншикова. Из многочисленных сундуков, ларцов и футляров извлекались усыпанные бриллиантами, жемчугами, изумрудами шпаги, трости, запонки, пряжки, перстни, иконы. В описи было 425 пунктов, на самом деле конфискованных предметов было больше, так как под одним номером, например, записывали: «15 булавок, с бриллиантами» или же «2 коробки золота», «95 драгоценных камней». Была конфискована и трость, подаренная Петром, и алмазная шпага – подарок польского короля, и датский орден Слона с шестью крупными бриллиантами...»

В статье Михаила Пазина, которую Надя перечитывала иногда, вспоминая Виталия, была лишь скудная информация о кладях Меншикова, что наводило на мысль, что никто так и не нашел эти клады, а те двое из поезда, обладатели карты, знали о них куда больше...

«Однако найденное было лишь незначительной частью сокровищ Александра Даниловича. Современники оценивали его ежегодный доход в 150 тысяч рублей только из одних имений. Князь владел самым большим рубином в Европе. Саксонский посланник в России докладывал своему королю, что в ходе расследования злоупотреблений Меншикова оказались ненайденными на 20 миллионов рублей драгоценности, на 250 тысяч рублей золотой и серебряной посуды, золотой монеты на 8 миллионов рублей, а серебряной – аж на 30 миллионов рублей!

Равнодушие, с которым Меншиков наблюдал за конфискацией своего имущества, указывало на то, что большую часть своих сокровищ он вовремя спрятал, надеясь вернуться из ссылки. Однако самые тщательные розыски в 1730-е годы не дали никакого результата.

Где же могут находиться до сей поры сокровища Меншикова? Определенно можно говорить лишь о трех местах – подземелье его дворца на Васильевском острове, подземных камерах под дворцом в Кронштадте и в Ораниенбауме. Будучи губернатором Петербурга и руководя прокладкой различных подземных коммуникаций, Меншиков отлично знал, где можно надежно укрыть свои клады».

Безусловно, ночные попутчики знали больше. Ведь они говорили о дворцовом бассейне, и именно он был обведен красным на карте. И именно от него в сторону шел пунктир к красному крестику, начертанному поверх микроскопической фигурки, похожей на статую Венеры.

Один раз только Наде удалось прочесть что-то о бассейне во дворце Меншикова на Васильевском острове, бассейне, под которым, по словам незадачливых кладоискателей, и был зарыт клад. И те обрывки их фраз, разлетевшиеся в темень купе: **«...Васильевский остров, Меншиков, броши, кольца, сокровища, жемчуг, сабля, усыпанная бриллиантами, – подарок Петра Первого, деревянный дворец, прорыли канал, бассейн, вельможи, по пояс в воде, балы, Посольский дворец, миллионы долларов, ссылка, Меншиков, Петр, снова Меншиков, Малая Невка, план, рисунок, смотри, будем сказочно богаты...»** — полностью совпадали с историческими фактами, связанными со строительством этого дворца:

«Дворец Меншикова находится на Васильевском острове, который Петр I подарил своему приближенному Александру Даниловичу Меншикову. По указанию Петра I усадьба Александра Даниловича, который в 1703 году стал первым генерал-губернатором Санкт-Петербурга, была построена именно здесь.

В 1710 году на самом берегу Невы (на Университетской набережной) приступили к строительству сразу двух зданий – деревянного и каменного. Каменный дом построить быстро не представлялось возможным, потому и был построен деревянный дом, названный Посольским дворцом. Он был возведен в глубине участка всего за один летний сезон под руководством комиссара от строений У.А. Сенявина. Двухэтажное здание имело форму буквы П, с высоким крыльцом, ведущим на второй этаж. Парадным подъездом к нему служил прокопанный от Невы канал с бассейном перед входом. Здесь 11 июля 1710 года Меншиков принимал гостей, которые в течение двух часов в платьях сидели в воде и пили за здоровье хозяина. В Посольском дворце устраивали официальные приемы и торжества. 31 октября здесь состоялась свадьба племянницы Петра I Анны Иоанновны и герцога Курляндского. За дворцом был разбит сад, устроен огород, вплоть до Малой Невки. В усадебном саду также устраивались ассамблеи. Устройством сада занимался личный садовник князя голландец Ян Эйк. По его плану здесь была проложена сетка дорожек, устроены фигурные боскеты и пруды, скульптурные композиции, лабиринты. В 1711 году в саду прорыли канал с круглым прудом у дворцового крыльца...»

Виталий! Прошло столько лет! Где он мог сейчас быть? Мог умереть в тюрьме или продолжать там находиться. Но мог быть и выпущен досрочно на свободу! Интересоваться его судьбой Надя опасалась, боялась, что об этом узнает Борис.

Если Виталий сейчас на свободе, то, возможно, именно он и нашел этот клад. Тот факт, что Надя успела еще до их задержания в барнаульском поезде вытащить у него, сонного, карту из кармана и спрятать у себя под рубашкой, еще ни о чем не говорил... Она просто боялась, что карта помнется. Главное-то она объяснила ему на словах! Да и карта простая, элементарная – несколько пунктирных линий да крестик...

Неужели Виталий?

Если это смелое предположение верное (а как тут не верить, если в сумке целое состояние!!!) и он стал баснословно богат, ну просто невысказанно, фантастически богат, то что ему стоило разыскать ее, свою «зайку», чтобы поделиться с ней? *«...клад так клад. Найду – поделюсь с тобой!»*

Однако не такой он человек, чтобы, отдав деньги Наде, не появиться самому перед ней во всем своем блеске!

«Жить вообще надо красиво, Наденька».

Уж если он тогда, когда у него практически ничего не было, пытался продемонстрировать перед ней, какая она, красивая жизнь, в его представлении, и обставил их свидание в чужом доме, где они были на птичьих правах и где все было куплено на сворованные у порезанного им бизнесмена Валерия Кротова деньги, то можно себе представить, как он может развернуться, имея на руках миллионы евро!

Надя зажмурилась и представила себе белый лимузин возле ее подъезда, Виталия в белом костюме, цветы, шампанское, подарки, бриллианты... Одно его появление в ее жизни на фоне скромно зарабатывающего Бориса может перевернуть всю ее жизнь.

И вот чтобы этого не произошло, чтобы он не нашел ее, чтобы они не встретились и у Виталия не было возможности разрушить ее брак, она и решила исчезнуть. На время. Придумала первое, что пришло в голову: смерть и похороны тети, которой у нее никогда не было. Она должна сама найти Виталия и вернуть ему деньги. И объяснить, что она любит своего мужа и что ей от Виталия ничего не нужно. И сделать это, поговорить с ним надо как можно дальше от ее дома. От Бориса.

Она все решила в считанные минуты. Зная властный и непредсказуемый характер Виталия, сейчас наверняка подпорченный богатством, и предполагая, что его визит просто неминуем, она быстро собрала детей и отвезла их свекрови.

Одного она только не могла понять: почему сумку с деньгами и драгоценностями он принес не сам лично, а поручил это сделать какому-то своему доверенному лицу. Возможно, из его уголовного прошлого. Иначе как объяснить эту жуткую физиономию ээка!

Может, хотел сначала удивить, привлечь ее внимание к себе, привязать ее, в конце концов, этими деньгами, чтобы потом спокойно войти в ее жизнь, вернее, въехать на этом приторном белом лимузине.

Эта пошловатая лубочная картинка – Виталий во всем белом на белом лимузине – прочно заняла место в одном из уголков ее находящегося в паническом страхе сознания. Борис никогда не простит ей этой встречи, несмотря на то что инициирована она будет Виталием. Борис, страшный ревнивец и собственник, даже разбираться не будет, увидит ее рядом с Виталием – и все, пиши пропало. Решит, что она сама повод ему дала, позволила ему приехать. А уж как он будет страдать! Сразу детей заберет! К тому же и Виталий-то не будет молчать или бездействовать, он нарочно станет демонстрировать перед ним свою любовь к ней, чтобы позлить Бориса. Бандит и следователь прокуратуры, непримиримые враги, к тому же соперники. Можно даже предположить, что для Виталия процесс разрушения благополучного семейства будет, быть может, послаще всякой роскоши, эдакий элемент редкого и изощренного удовольствия, чистое развлекалово.

Наде же нужен только Борис.

А тут – сумка... Уж лучше бы там была настоящая бомба! Деньги, огромные деньги – тоже бомба. Но только замедленного действия, а от этого еще более страшная.

Вот просто взять и избавиться от них, выбросить сумку – чистое безумие. Как она потом докажет при встрече с Виталием, которая неизбежна при данных обстоятельствах, что эти деньги не у нее, что она их не приняла?

Прав был Борис, нельзя было не то что открывать этому ээку, но даже вступать с ним в разговор. Она сама все испортила, потеряла бдительность, подумала, что посылка от бабы Леры.

И вот теперь она у Кати. У потерявшейся в лабиринтах своих чувств и событий маленькой женщины, перед которой еще недавно стоял страшный выбор: жить или не жить.

Хотя, кто знает, быть может, в этой жизни действительно нет ничего случайного, и появление в ее доме Нади спасет ее от рокового шага – от самоубийства?

Надя домыла полы, привела в порядок комнату и кухню, сменила постельное белье, запустила стиральную машину, вымылась сама и свежая, в чистой комнате села возле окна – поджидать Катю.

4. Борис. Саратов, 2014 г

– Боря, ну, наконец-то! Я тут уже с ума схожу! Проходи, у меня как раз ужин готов!

Мама, Евгения Спиридоновна, почти за руку втащила сына в квартиру. Обняла его, словно желая убедиться в том, что это действительно он – настолько она за него переживала. Будь ее воля, она посадила бы его рядом с собой и держала за руку, не отпуская.

– Мама, как дети? Здоровы?

Борис разулся и прошел в квартиру, нашел детей в большой гостиной, мальчики сидели на ковре и смотрели телевизор. Увидев отца, они бросились к нему, обнимали его за колени, хватили за пояс, жались к нему.

Евгения Спиридоновна, высокая суховатая женщина в домашних серых брюках и клетчатой рубашке мужского покроя, наблюдала за этой картиной, едва сдерживая слезы. Она никак не могла взять в толк, что могло произойти в благополучной и очень дружной семье сына, чтобы Надя сбежала, ушла. Куда? С кем? Зачем?

– Сынок, есть новости?

– Нет, мама. Она как в воду канула. И чувствую сердцем, что ее не похитили, что она жива и здорова, да только вот решила бросить всех нас...

– Пообещай, что не будешь думать плохо про Надю. Нехорошо это. Ладно, потом поговорим... Боренька, ты иди, помой руки, а я пока накрою на стол. Дети уже поели.

На ужин были говяжьи котлеты с пюре, соленые огурцы – любимая еда Бориса. Да только он ничего не чувствовал. Просто ел, думая о своем. Вспоминал слова соседки, сказанные о Наде.

Мама села напротив Бориса, подперла щеки ладонями. Взглядом пыталась его согреть, утешить. Но как? Где найти слова, чтобы успокоить его?

– Я все-таки думаю, ты только не обижайся на меня, что ее обманули, заставили уехать... И что связано это с твоей работой.

– Может, я скажу сейчас жестокую вещь, но ты должна ее знать: если бы ее исчезновение было как-то связано с моей работой, то есть если бы кто-то, кому я помог сесть за решетку, решил мне отомстить, то, поверь мне, мама, они не стали бы церемониться с моей женой и уж точно не оставили бы ей времени на то, чтобы она собрала детей и привезла тебе. Все было бы проще и страшнее. И вряд ли ты сейчас была со своими внуками.

Евгения Спиридоновна ахнула. Закрывает глаза, выдыхая воздух, а потом и вовсе схватилась за сердце.

– А ты как думала?

– Да если честно, я вообще старалась об этом не думать. И сказала это тебе только для того, чтобы ты не спешил делать выводы... Я же сколько лет знаю Надю! Она мне как дочь. Сынок, жизнь, она такая многообразная, сложная, и кто знает, что подтолкнуло ее сделать то, что она сделала? Я даже не могу подобрать слова для этого ее поступка. Ушла? Сбежала? А может, я чего-то не знаю о вас с ней? Вспомни, какая она была в последнее время? Может, она плакала? Ну не могло все это произойти на пустом месте. Я никогда в жизни не поверю, что она сбежала с мужчиной. И даже если я (не дай бог, конечно) вот прямо сейчас, выйдя на улицу, увижу ее в компании с мужчиной, все равно не поверю, что это ее любовник. Друг, родственник, отец, дядя, кто-то из твоего окружения, обманом похитивший ее, или вообще маньяк. Ты не представляешь себе, как много я об этом думала!

– Я тоже думал. Но ничего не придумал. Телефон ее молчит, думаю, она либо уничтожила сим-карту, либо это сделал тот, с кем она сейчас. Мам, но ты подумай сама хорошенько. Если у нее было время собрать детей и привезти к тебе, то разве у нее не было возможности позвонить мне или намекнуть тебе, что с ней случилось и куда она отправляется? Я понимаю еще, что ее могли бы заставить молчать, если бы дети были с ней, то есть припугнули бы здоровьем детей. Но она сама привезла их в самое безопасное место – к тебе!

– Но тогда что? Что с ней могло случиться? Как вы жили с ней последнее время? Послушай, Боря, а может, ей просто надоело целыми днями находиться дома? Ведь ты, сам того не осознавая, практически посадил ее на цепь! Куда бы она ни отправлялась, она должна была отзваниваться тебе. И если ты объяснял это своим желанием обезопасить семью, то Надя, молодая женщина, могла расценивать это совершенно иначе, что ты просто-напросто ревновал ее, а потому хотел, чтобы она всегда была под твоим контролем.

– Глупости. Мы доверяли друг другу. И вообще... Не знаю, может ли это быть связано с ее исчезновением, но накануне в нашу квартиру звонил какой-то мужчина, соседка видела...

И Борис пересказал матери то, что рассказала ему соседка.

– Валентина Семеновна? Так я поеду к ней и сама ее обо всем хорошенько расспрошу, может, она вспомнит какие-то мелочи, детали...

– А какие могут быть детали, если она и так мне все рассказала? Даже сумку описала. И внешность этого человека.

– Так составьте фоторобот!

– Да я и сам об этом думал, тем более что больше никаких зацепок нет...

Зазвонил телефон, Борис напрягся.

– Слушаю!

Евгения Спиридоновна не спускала взгляда с сына, пытаюсь по выражению лица определить, насколько все плохо. Она хоть и старалась изо всех сил как-то успокоить Бориса, но сама уже давно предположила самое худшее...

– В Москву? И что? Она выехала в четыре часа? Так почему же я узнаю об этом только сейчас?! Что?.. Ясно. Да, я все понял. Хорошо, Богоявленск или Раненбург... Это правильно. Там пусть и снимут ее с поезда. Господи, наконец-то появилась хоть какая-то информация... Да-да, говорю же: я все понял, может быть, это даже правильно, что ничего не сообщали начальнику поезда, информация могла бы навредить делу, и Надя могла бы сойти на любой станции... Хорошо, я жду.

Он отключил телефон.

– Боря, что случилось?

– Она купила билет до Москвы, в полночь поезд будет в Богоявленске, потом в Раненбурге. Вот там ее и снимут...

– Послушай, может, я, конечно, скажу сейчас полную глупость... Но Надя... она же прекрасно понимает, кто ты и какие у тебя возможности. Стала бы она, находясь в здравом уме и, что называется, твердой памяти, покупать билет на свое имя, чтобы отправиться в Москву?! Она же не могла не понимать, что мы будем искать ее, что ты поднимешь на уши всю полицию и прокуратуру, все свои связи, и первое, что делается в этом случае, я это знаю, конечно, по фильмам, так это проверяются списки пассажиров на всем транспорте... Боря. Ты слышишь меня? – Евгения Спиридоновна помахала ладонью перед глазами сына, уставившегося в одну точку в глубокой задумчивости. – Боря!

– Да слышу я все, мама...

– И знаешь, что я тебе на это скажу? Вариантов два: первый – кто-то другой купил билет по ее паспорту; второй – она была не в себе, когда делала это. Мне больно об этом говорить, но, занимаясь поисками мотива ее поступка, мы упустили самый вероятный и невероятный одновременно – она заболела. У нее что-то с головой... И в этом случае, ты уж прости меня, лучше было бы, если бы у нее было сто любовников, чем безумие.

– Мама, прекрати наводить тоску!!! Надя – вполне адекватный, здравомыслящий человек, и я ни разу не замечал в ней ничего такого, что навело бы меня на мысль о ее душевной болезни!

– Да? А ты вспомни, какой она была, когда выходила замуж за тебя? Веселая хохотушка, не девушка, а праздник! Такой она родилась, такой досталась тебе! И что ты с ней сделал?

– А что я с ней сделал?!

– Ты превратил ее в свою рабыню, затворницу! Я лично вообще не помню, когда видела ее улыбающейся. Она не выглядела счастливой женщиной. Уж не знаю почему, но она производила впечатление человека с угнетенной психикой, если можно так выразиться. Да-да, хочешь услышать правду – пожалуйста! Она была именно угнетена! Возможно, тем образом жизни, который ты ей навязал. У нее не было подруг, она ни с кем, помимо тебя и меня, не встречалась. У нее не было нормальной работы, не было социума, понимаешь? Ты превратил ее в домашнее животное! Возможно, накануне она встретила с какой-нибудь из своих подруг детства, нормальной женщиной, которая, с трудом узнав в Наде Гладышевой Наденьку Юфину, ту самую жизнерадостную рыжую девчонку с веселыми глазами, была шокирована! Между ними мог произойти разговор, и эта самая подружка могла просто открыть ей глаза на жизнь, на новую жизнь, понимаешь? Быть может, она рассказала ей о своей жизни, о своем браке и, главное, о той свободе, которой ты, Боря, напрочь лишил свою жену.

Второй раз за день Борис слышал странные вещи о своей семье. Два взгляда со стороны: Валентина Семеновна и вот теперь мама. Что же это получается, он в глазах других людей выглядел настоящим тираном, ревнивцем?

– Может, ты не поверишь мне, – проговорил он, сдерживаясь, поскольку его начало трясти от злости и раздражения, – но у нас с Надей было все хорошо. Мы были счастливы!

– Да о каком счастье ты говоришь, если тебя постоянно не было дома? Ты не представляешь, сколько сериалов я посмотрела, где главным героем был либо полицейский, либо оперативник, либо следователь прокуратуры... Не перебивай меня, я знаю, что ты хочешь мне сказать, что, мол, сериалы – все это глупости, чепуха! Но то, что семьи, где мужчин не бывает подолгу дома, разваливаются, где жены страдают и подают на развод, – разве это не правда? Это тоже чепуха? Вспомни своих друзей, коллег по работе? Что, все женаты и счастливы?

Она была права. Практически все его коллеги развелись. Семьи сохранились лишь там, где главой был какой-нибудь начальник из их системы, рабочий день которого был более-менее нормированным.

– Боря, если ты думаешь, что я сегодня занималась лишь детьми и готовкой, то ты ошибаешься...

Мама. Современная и очень активная, энергичная женщина. И больше всего на свете любящая своего единственного сына и его семью. Борис вдруг подумал, а что, если и ей он крайне редко выражает свою сыновью любовь? Может, и она тоже страдает от недостатка его внимания, душевного тепла? А когда он последний раз по-настоящему, реально заботился о ней? Вот возьмет и тоже исчезнет из его жизни? Возьмет внуков и переедет к своей подруге

в Петербург? Во всяком случае, разговоры такие велись, когда ее подруга, Кира, овдовела и позвала ее к себе, в большую квартиру жить. «Вот перееду к Кире, а свою квартиру буду сдавать, – помнится, говорила в то время мама, раздумывая над предложением подруги. – Глядишь, и вам полегче будет. Все-таки – деньги».

Мама вернулась с раскрытым ноутбуком, который в последнее время стал ее верным другом, источником полезной информации и развлечения.

– Вот, смотри, здесь большая статья, но я прочитаю тебе только самое важное: «Семья сотрудника – это своеобразный «тыл», обеспечивающий его работу. Специфика и содержание работы, как правило, отрывает сотрудника от семьи. Если к этому прибавить неблагоприятные бытовые условия, деформацию моральных ценностей, влияние негативных психологических факторов служебной сферы и т. п. – в совокупности это может привести к повышенной конфликтности в семье, ее распаду».

Или вот: «По данным проведенного социологического исследования было выявлено, что 23 % респондентов состоят в разводе. На утверждение «Причиной развода стала моя работа и несогласие супруги(га) мириться с моей профессией и ее издержками» 100 % разведенных мужчин-сотрудников ответили «частично», в числе разведенных женщин-сотрудниц 50 % разводов произошли только по причине несогласия и 50 % – «частично». Таким образом, можно сделать вывод: большинство разводов в семьях произошло в основном по причине несогласия супругов мириться с профессией сотрудников».

Евгения Спиридоновна перевела дух и захлопнула ноутбук.

– Боря, двадцать три процента разводов – это колоссальная цифра. Это несчастные люди, одинокие, поглощенные своей работой...

– Мама, прошу тебя, успокойся.

Он даже встал, чтобы обнять ее.

– Не знаю, как убедить тебя в том, что у нас с Надей действительно все было нормально. Что мы были счастливы. И если ты не видела улыбок на ее лице, то это еще ни о чем не говорит... Мне-то она улыбалась, уж можешь мне поверить.

Давай подождем полуночи, вот доедет поезд до Богоявленска, и может, что-нибудь прояснится... К тому же мало ли существует родственников, о которых мы забываем или о которых вообще ничего не знаем? А вдруг окажется, что у Нади была тетя или какая-нибудь дальняя родственница, которую она назвала своей тетей. Давай уже подождем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.